

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ. ДОКУМЕНТОЛОГИЯ: ОСНОВЫ И МЕТОДОЛОГИЯ

УДК 002.1; 005.92

<https://doi.org/10.33186/1027-3689-2022-6-137-151>

Теория ради практики.

К дискуссии об исходных основаниях документологии

Ю. Н. Столяров

*Российская государственная библиотека,
Москва, Российская Федерация*

*Научный и издательский центр «Наука» РАН, Москва, Российская Федерация
ПНТБ России, Москва, Российская Федерация,
yn100@narod.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9597-4275>*

Аннотация. Статья представляет собой ответ на замечания, содержащиеся в основном в публикации Е. А. Плешкевича «К вопросу о документологии и её методологии». Положительно оценивается признание им понятия *документологии*. Верно, что понятие *документ* различается относительно объекта (документ в субстанциональном смысле) и субъекта (документ в функциональном смысле). Такое представление составляет основу относительности этого понятия в практической плоскости применения. Вместе с тем раскрывается деструктивность остальных соображений Е. А. Плешкевича: относительно мнимой ненаучности дифференцированного подхода к понятию *документ*, правомерности голого теоретизирования, оторванного от практики, отказа от методологии П. Отле, который считал, что назрела необходимость создания и развития общей теории документа наподобие того, как это имело место в биологии, социологии, физике и других «больших» науках. Показана неправомочность отказа от широкого определения документа, принятого Международной организацией по стандартизации, согласно которому документом следует считать любой объект, рассматриваемый как элемент документационной системы. Отмечена практическая продуктивность метода восхождения от абстрактного к конкретному; благодаря чему появляется возможность сузить понятие *документ* до потребностей конкретной библиотеки.

Ключевые слова: документология, П. Отле, Е. А. Плешкевич, дефиниция понятия «документ библиотечного фонда»

Для цитирования: Столяров Ю. Н. Теория ради практики. К дискуссии об исходных основаниях документологии / Ю. Н. Столяров // Научные и технические библиотеки. 2022. № 6. С. 137–151. <https://doi.org/10.33186/1027-3689-2022-6-137-151>

DISCUSSION CLUB. DOCUMENTOLOGY: FOUNDATIONS AND METHODOLOGY

UDC 002.1; 005.92

<https://doi.org/10.33186/1027-3689-2022-6-137-151>

Theory for the good of practice. To discussion on the origins of documentology

Yury N. Stolyarov

*Russian State Library, Moscow, Russian Federation
Science and Publishing Center "Nauka" of Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russian Federation
Russian National Public Library for Science and Technology,
Moscow, Russian Federation,
yn100@narod.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9597-4275>*

Abstract. The author responds to the considerations expressed mainly by E. A. Pleshkevich in his article "On documentology and its methodology". The author praises Pleshkevich's acknowledging the concept of "documentology". Indeed, the term "document" differs pertaining to the subject (substantially) and object (functionally), and this representation makes the foundation for relativeness of this concept in practical applications. Meanwhile, the author points to the disruptiveness of other Pleshkevich's arguments: alleged unscientific nature of differentiated approach to the concept of "document", validity of pure theorizing regardless of practice, and denial of Paul Otlet's methodology. The latter thought that there was the overdue need to develop the general theory of document similar to that

in biology, sociology, physics and the so-called big sciences. The author demonstrates the wrongfulness of abandoning of the wider definition of the document by the International Standardization Organization (ISO). According to ISO, the document is an object that may be regarded as an element of documented quality management system. The practical effectiveness of the method of rising from the abstract to the concrete which enables to narrow the concept of document down to the needs of individual libraries, is substantiated.

Keywords: documentology, Paul Marie Ghislain Otlet, Evgeny A. Pleshkevich, definition of “library collection document”

Cite: Stolyarov Yu. N. Theory for the good of practice. To discussion on the origins of documentology / Yu. N. Stolyarov // Scientific and Technical Libraries. 2022. No. 6. P. 137–151. <https://doi.org/10.33186/1027-3689-2022-6-137-151>

Вопрос об исходных основаниях документологии [1, 2] вызвал интерес у тех, кто углублённо занимается этой темой. Среди откликов выделяются работы А. В. Соколова [3] и Е. А. Плешкевича [4]. В работах этих авторов содержатся конструктивные положения.

Конструктивные соображения оппонентов

Оба автора признают понятие и существование документологии, и это самое главное. Как бы для меня ни было лестно считаться автором термина *документология*, но честь наименования всеобщей теории документа документологией принадлежит П. Отле, выдвинувшему несколько синонимичных наименований: библиология, документология, наука о книге и документация [5. С. 196] – и остановившемуся, наконец, на термине *документация*. Я всего лишь самостоятельно пришёл к тому, что термин *документология* для всеобщей теории документа отражает предмет исследования наиболее адекватно.

Е. А. Плешкевич методологические установки П. Отле считает далеко не бесспорными, оставляя при себе конкретизацию этой мысли. Готов согласиться, что П. Отле был последователен не во всех суждениях. Но ведь он был первопроходцем, и естественно, что отдельные постулаты он продумал лишь частично. Например, предложение

наименовывать науку о документе сразу четырьмя синонимами свидетельствует о неустойчивости терминологии, что, впрочем, для начального этапа только что зародившейся науки вполне извинительно.

Верно, что введение в вузах культуры специальности «Документоведение и документационное обеспечение управлением» стало отправной точкой поиска обобщающего понятия и термина для него. Расширительное понимание термина *документоведение*, опирающееся на действовавший в то время ГОСТ 16487-83 «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения» («...документ: материальный объект с информацией, закреплённой созданным человеком способом для её передачи во времени и пространстве» [6. П. 3]), встретило возражение со стороны управленческих документоведов, которые осознали себя одновременно и теоретиками документа в целом, и теоретиками только управленческого документа, – впрочем, подчас ставя между этими понятиями знак равенства. А. В. Соколов обоснованно раскритиковал «стремление управленческого документоведения к гегемонии в документосфере» [3. С. 17].

Действительно, понятие *документ* различается относительно объекта (документ в субстанциональном смысле) и субъекта (документ в функциональном смысле). Сторонники абсолютистского понимания документа исходят из того, что книга подобна осиному или птичьему гнезду, которые остаются самими собой, даже если покинуты или даже если в гнезде никогда не жили осы и – соответственно – птицы [7. С. 450].

Полярная позиция позволяет считать книгой только используемое произведение печати. Эта точка зрения восходит к утверждению К. Маркса о том, что действительным продуктом продукт становится только в процессе потребления. Например, железная дорога, по которой не ездят, есть железная дорога только в теории, а не в действительности [8. С. 11]. В нашей сфере обоснование такого подхода принадлежит В. М. Баранову: «Во временном отношении текстовый носитель существует перманентно; смысл текста – одномоментно, в момент восприятия текстового носителя. ...документ одномоментен по природе. Смысл в сознании, оставшийся после восприятия текста, – уже не документ; текстовый носитель до восприятия его субъектом – ещё не документ» [9. С. 249].

Моя позиция в этом отношении диалектична: в одном отношении один и тот же объект статус документа имеет, в другом его лишён. При пуристском подходе все документы библиотечного фонда, не находящиеся в данный момент на руках у читателя, документами не являются и, следовательно, должны быть из библиотеки удалены. В этом случае нормальным следует считать фондохранилище с пустыми стеллажами. Противоположный и тоже максималистский подход требует от библиотекарей хранить все однажды приобретённые документы безотносительно к степени их использования. Но это оправдано только для небольшого количества библиотек, фонды или подфонды которых выполняют мемориальную функцию.

По поводу позиции неокнигovedов типа Д. А. Эльяшевича, с порога отрицающих право документологии на существование, А. В. Соколов резонно замечает: «Казалось бы, переосмысление концепта “книга” логично начать с обращения к понятию *документ* и уточнения соотношения “документ – книга”, однако учёные-книжники пошли иным путём» – путём исключения понятия *документ* из терминологии «нового книговедения» [3. С. 20]. Научное познание сущности документа на основе гуманистического синтеза приобрело повышенную актуальность и в связи с нашествием технотронных документов [Там же. С. 32]. Правоту А. В. Соколова подтверждает и новая статья Д. А. Эльяшевича «О “ренессансе библиологии”, книговедении и не только» [10]. В частности, в ней ответственность за многие наши беды и в том числе за едва не состоявшееся исключение специальности «Библиотековедение, библиографоведение и книговедение» из Номенклатуры научных специальностей Д. А. Эльяшевич почему-то возлагает на документологию, которая в этой специальности никак не была обозначена ранее и – соответственно – отсутствует в настоящее время.

Правда, однако, состоит и в том, что вместо детализации, диверсификации существующих теоретических постулатов документологам постоянно приходится возвращаться ко всё новому и новому разъяснению хрестоматийных, казалось бы, исходных тезисов. В результате документология больше ходит по кругу, чем продвигается вперёд. Происходит это из-за стремления отдельных авторов опровергнуть исходные положения документологии. Усердствует в этом и Е. А. Плешкевич, в том числе в публикуемой в этом номере статье. Придётся в

очередной раз заняться обоснованием этих положений. Все личностные выпады оставляю на совести своего оппонента: науку интересуют аргументы и выводы, а действительные или мнимые изъяны или даже пороки делающих науку личностей остаются за скобками её поступательного развития.

Деструктивные соображения оппонента

Сказанным можно бы и ограничиться, да только у читателя его статьи останется ощущение недосказанности моего слишком краткого ответа на опубликованные Е. А. Плешкевичем доводы. Придётся обратиться к самым существенным из них.

Первый раздел своего критического произведения, в котором рассматривается моя статья почти четвертьвековой давности, Е. А. Плешкевич заканчивает так: «...в начале статьи говорится о необходимости разработки дефиниции документа с точки зрения практики, а в конце он заявляет о том, что выяснение истины по поводу документа важно само по себе. Обе эти установки значимы и справедливы, но второе не вытекает из первого, и, следовательно, перед нами один из наиболее изящных видов манипуляции». Какова же, однако, цель этой манипуляции, кого и в чём я хотел ввести в заблуждение, автор не раскрывает.

Поясню свою позицию по затронутому вопросу, она за минувшее время осталась прежней. Первое и для меня самое главное: цель разработки теории вообще и теории документа в частности состоит в том, чтобы в конечном счёте вооружить практику знанием объективных законов бытия, научить пользоваться ими и предостеречь от деятельности, идущей вразрез с объективной истиной. Для того чтобы этой цели достичь, на первых порах достаточно обнаружить эту абстрактную истину. Обнаружили – считайте, что половина дела сделана. Теперь можно заняться следующим вопросом: как использовать эту истину в интересах практики.

Примечательно, что обе установки из критикуемой статьи Е. А. Плешкевич признаёт значимыми и справедливыми.

Следующий раздел озаглавлен «Методология документологии». Он начинается с утверждения, будто всё в той же избранной для критики статье «Столяров формулирует гипотезу, лежащую в основе его тео-

ретических построений», но только формулирует в неявной форме. И Е. А. Плешкевич берётся помогать мне «сформулировать гипотезу в явной форме». Слово «формулировать» происходит от слова «форма», и если форма неявная, то о формулировании говорить не приходится. В критикуемой статье у меня и правда никакой гипотезы нет, она там без надобности. А если бы я посчитал её уместной, то создал бы самостоятельно.

Далее, гипотеза – это некое предположение, догадка. То, о чём догадался Е. А. Плешкевич, пересказывая тезисы и пример из моей статьи, является не гипотезой, а фактом. Приношу извинения читателям за потраченное ими время, но придётся вернуться к приведённому примеру о пословице про икону: годится – молиться, а не годится – горшки накрывать. Мой критик считает дифференциацию представлений о документе (а икона есть документ по любому из определений документа: она содержит информацию в знаковой форме, зафиксированную на материальном носителе – доске) ненаучной. Основания: а) когда названным объектом накрывают горшки, то «мы имеем дело не с иконой, а с физическим материалом, из которого она изготовлена»; б) документов, использующихся не по назначению, быть не может; в) наука стоит выше пределов житейской логики и практики, их нельзя использовать в качестве аргумента.

Рассмотрим логику Е. А. Плешкевича. Правильно: когда иконой накрывают горшки, к ней перестают относиться как к сакральному объекту, и несмотря на то, что все её отличия как документа, хотя и в ухудшенном виде, сохраняются, исходный статус она утрачивает и начинает новую жизнь в ином качестве. Объект тот же, но функции его изменились, и он перешёл в новое качество. Иначе говоря: субстанционально – икона, а функционально – крышка для горшка. Когда мы пользуемся ею как крышкой, то эксплуатируем её материальную составляющую, оставляя все прочие составляющие в покое. Когда мы воспринимаем объект как икону, на главное и единственное место выступает семантивная составляющая документа, а остальные остаются в тени. Евгений Александрович подтверждает мой постулат. Между прочим, возможно и обратное превращение: если кто-нибудь (например, старообрядец) возмутится, увидев такое кощунство – использование иконы в изначально несвойственном ей качестве, – и вновь будет

пользоваться ею по прямому назначению, икона вернёт себе статус документа.

Рассмотрим второй довод Е. А. Плешкевича: в теории все документы должны выполнять свою базовую функцию. Согласен. Когда мы рассматриваем икону с онтологической стороны, то имеем дело с её субстанциональной сущностью; когда рассматриваем с феноменологической стороны, обнаруживаем функциональное предназначение, – то есть всё строго согласно требованиям Е. А. Плешкевича.

Третий и четвёртый аргументы я соединил в один, поскольку они раскрывают одну и ту же мысль: презренная житейская логика и практика недостойны высокого теоретического осмысления и обобщения. А вот тут имеет смысл возвратиться к тому, что сказано мною о первом разделе рассматриваемой критической статьи: моё убеждение заключается в том, что теория создаётся ради практики, голое теоретизирование беспредметно и схоластично. Теория тогда нужна и интересна, когда её можно конкретизировать, довести до уровня практики. Многочисленные упрёки в адрес документологов в непоследовательности: то они занимаются абстрактными материями, то переходят на уровень чистой эмпирики, – происходят из-за того, что наши критики игнорируют метод восхождения от абстрактного к конкретному. Абстрактное понятие, по словам Е. А. Плешкевича, «не может рассматриваться на историческом и практическом уровнях», но надо иметь в виду, что оно рационально только тогда, когда обладает способностью быть понятым и применённым именно на этих уровнях, в противном случае оно бесполезно.

Допускаю, что документология освоила эмпирический и теоретический уровни познания своего предмета, но ещё не доросла до уровня философской мудрости, – на это обратил внимание А. В. Соколов. С этим ничего не поделаешь. В разработке документологических проблем я, например, действительно исходил из самой что ни на есть приземлённой практики. В начале 1970-х гг. возникла необходимость в собирательном термине для всего многообразия источников информации, как из рога изобилия посыпавшихся на библиотечные фонды: книг, журналов, газет, бюллетеней, трудов, вестников, описания изобретений, всей нормативно-технической документации и т. д. «Произведения печати» всё же не описывали их полностью, пришлось

искать наиболее адекватное слово. Им стал термин *документ*, позаимствованный из документалистики, которая в то время развивалась наравне с информатикой.

Появившиеся в ту пору органы научно-технической информации стали именовать свои фонды справочно-информационными (СИФ), заявляя, будто они представляют собой нечто качественно иное по сравнению с библиотечными фондами. Представление это ошибочно: они оказались в сущности такими же документными фондами, как и библиотечные. С этой точки зрения политика Института научной информации по общественным наукам строить работу на базе фонда Фундаментальной научной библиотеки, а не пресловутого СИФа была и остаётся вполне корректной.

Выход с этим термином за рамки только библиотеки оказался плодотворным и в ситуации, когда возглавляемая мною кафедра в 1990-е гг. взялась за подготовку управленческих документоведов. Мне стала импонировать идея П. Отле: «У нас есть общий язык, общая логика, общая математика. Теперь надо создать общую библиологию, то есть искусство записывать, публиковать и распространять данные этой науки. Мы нуждаемся теперь не только в Библиографии, описании книг, но в Библиологии, то есть в общей науке и технологии документа. Знания, относящиеся к Книге, Информации и Документации, слишком долго находятся в таком состоянии, в каком была биология сто лет тому назад. В то время существовали многочисленные не связанные между собой науки о жизни, у которых между тем в качестве общего предмета изучения были живые существа и жизнь (физиология, ботаника, зоология)» [5. С. 196–197]. Свою идею он иллюстрирует также на примере социологии, физики и других наук.

Мысли П. Отле показались мне настолько значимыми и своевременными, что я инициировал перевод его основного труда «Трактат о документации» на русский язык и публикацию силами двух издательств. То, что этот трактат и на нашей земле стал классическим, прочно вошёл в научный обиход, доставляет мне большое моральное удовлетворение.

При самом широком понимании документа оказывается, что он способен вобрать в себя буквально всё, от микромира до макромира. По закону логики, когда объём понятия становится предельно большим,

или абстрактным, то содержание – соответственно – бесконечно малым и пустым. Пользоваться таким понятием на практике нельзя, и для того, чтобы обеспечить ему такую возможность, приходится восходить от абстрактного к конкретному. Это требует, в соответствии с определением документа в ISO, сужения понятия *документ* применительно к той семантической системе, в которой его намечается использовать. В библиотечном фонде, например, документ – это, как правило, «семантическая информация, зафиксированная с помощью знаковой системы на материальном носителе, соответствующая профилю библиотечного фонда» [11. С. 43; 12. С. 353]. Центр тяжести в придании источнику информации (информационному объекту) статуса документа переносится в область составления профиля, и решать, какие документы для данной библиотеки профильны, предстоит фондистам-практикам. Такова моя логика. Е. А. Плешкевич полагает, что «разрабатываемая Столяровым концепция носит исключительно теоретико-методологический характер». Соглашусь с ним – за вычетом слова «исключительно». Потому что его фраза имеет продолжение: «Её положения невозможно напрямую использовать в прикладных научных дисциплинах». Читатель видит сам: возможно! Вся моя теория существует ради практики!

Кто методом восхождения от абстрактного к конкретному владеет, тому понятно, в частности, что Закон «Об обязательном экземпляре документов» регламентирует отнюдь не все документы, а лишь ничтожную их часть – конкретные документы. И первая задача состоит в сужении объёма понятия *документ* применительно к конкретному случаю, на который распространяется юрисдикция этого законодательного акта. При всех уточнениях, принимаемых в новых редакциях Закона, его дефиниция как была, так и остаётся весьма уязвимой. Таковой она и пребудет, пока научное сообщество не созреет до понимания того, что при его формулировке отталкиваться следует от чего-то наиболее общего и общепризнанного. Наилучшим из существующих я считаю определение абстрактного документа, принятое международным сообществом. Его-то, по моему разумению, и надо конкретизировать применительно к разным случаям практики.

Е. А. Плешкевич недоумевает: как можно на основе пустой абстракции построить всеобщую и фундаментальную теорию документа?

Да только так и можно: известно, что чем шире объём понятия, тем бессодержательнее оно становится; при уменьшении объёма, то есть конкретизации, понятие содержанием наполняется всё больше.

Пытаясь опровергнуть теорию относительности документа (раздел «Методология теории относительности документа»), Е. А. Эльяшевич её нечаянно... подтверждает. «Мысль, – пишет он, – а следовательно, и всякое понятие как одна из форм всегда вариативна и относительна. ...Максимальной широты относительность достигает в идеализированных и абстрактных понятиях. Таким образом, относительно не только понятие документа, но и все другие понятия». Обо всех других понятиях умолчу, мне в данном случае достаточно только понятия *документ*. Уточню, что один и тот же объект может иметь статус документа в одном отношении и обходиться без этого статуса в другом отношении, поэтому здесь некорректно применять логический закон исключённого третьего.

Почему «проявление волеизъявления... входит в противоречие с представлениями [чьими?] о библиотеке и её функциях», я, признаться, не понял и потому оставляю это суждение без ответа.

Более интересен применённый при ниспровержении постулат о свойстве конвенциональности документа. Саму необходимость конвенциональности Плешкевич признаёт, но утверждает, будто «в основе согласия должна лежать уже готовая теория документа, устраивающая научное сообщество. Если таковой теории нет, то какой смысл договариваться о дефиниции?». В науке, однако, принят иной подход: сначала предлагается аксиома (в данном случае это дефиниция документа), то есть исходное утверждение (не теория), принимаемое по соглашению, без доказательств (в отличие, например, от теоремы). Затем его кладут в основу разработки других утверждений, из которых в итоге выстраивается теория. Математика потому считается точной наукой, что базируется на аксиомах. Если в документологии принять хотя бы одну аксиому, появится первая надёжная точка опоры для дальнейших теоретических построений. За такую точку опоры предлагается принять международное определение документа, закреплённое в стандарте ISO. Е. А. Плешкевич вправе это предложение отвергнуть, но тогда

желательно знать, чем оно вредит документологии. Вместо обсуждения выдвинутой идеи критик, на мой взгляд, подменяет суть вопроса постулатами отвлечённого свойства.

Разъясню и постулат об относительности полноценности и неполноценности документа. Он продемонстрирован мной на примере колоды карт (документ в виде стопы) без одной из них, что делает всю стопу неполноценным документом. Е. А. Плешкевич замечает, что «идеальные предметы всегда полноценны». Но в данном-то случае речь идёт о документе, во-первых, не идеальном, а реальном, и, во-вторых, о документе ущербном. Рискую усилить недоумение моего критика, подчеркну, что в силу относительности понятия *документ* и само понимание его полноценности и неполноценности тоже относительно (как бы ни хотелось Плешкевичу предельно упростить и примитивизировать представление о документе). Так, для шулера, который спрятал джокера в рукав, колода стала полноценным документом, который позволяет ему достичь желаемой цели. В субстанциональном же отношении колода карт полноценным документом быть перестала. Не подозревая об этом, остальные игроки воспринимают её как полноценный документ – до тех пор, пока не разоблачат обманщика. Однако обычно они проигрывают, принимая ущербный документ за полноценный.

Другой пример: детская книжка-раскраска с точки зрения издателя и покупателя – документ полноценный, поскольку в нём выдержаны все заданные и потребные свойства. Но для ребёнка он становится полноценным только в момент раскрашивания. Поскольку вторично такой книжкой по прямому назначению (для раскрашивания) пользоваться нельзя, по окончании работы над ней она для исполнителя вновь превращается в неполноценную. Однако будучи сохранённой, она с течением времени становится раритетом, семейным артефактом, то есть вновь, но уже в ином аспекте, приобретает качество полноценности. Иными словами, свойство полноценности задаётся извне и характеризует прагмативную составляющую документа.

Развенчивать каждый постулат Е. А. Плешкевича бесперспективно. Остановлюсь всё же ещё раз на понятии устного документа. Ранее я неоднократно писал, что определение абстрактного документа допускает в определённых обстоятельствах придать статус такового любому объекту, включая биообъект, в том числе человека, то есть физическое

лицо. Мой критик заявляет, что «юридическому лицу противостоит физическое, а не живое лицо». С неживым физическим лицом заключать договор бесполезно. Между тем физическим лицом в правовых документах именуется субъекты гражданского права, граждане (живые, естественно), которые как участники гражданских правоотношений обладают рядом индивидуализирующих признаков и свойств, как-то: имя, возраст, гражданство, семейное положение, пол. Возможно, Е. А. Плешкевич понимает физическое лицо иначе, поэтому наши точки зрения не совпали.

Оппонент правильно замечает, что устный документ чреват невыполнением данного обещания. От себя добавлю, что и письменные гарантии, – например, Минские соглашения (пример из той же, что у Е. А. Плешкевича, области) – могут быть нарушены. Но на этом основании моим критиком делается обобщение, что «вынос теоретических представлений о документе в сферу практического применения может нести в себе угрозу общественным отношениям». Плешкевичу комфортно рассуждать о документе в отрыве от его практического применения, а я бы в таком случае – то есть если бы от меня требовались отвлечённые, чисто умозрительные спекуляции – предпочёл вообще отказаться от разработки документологии. В этом, по-видимому, корень наших расхождений с критиком. Ещё раз повторю: теория ценна именно возможностью её практического применения, иначе она лишена смысла.

Заключение

Оппонент пытался продемонстрировать некорректность выдвигаемых мною исходных положений всеобщей теории документа. Предположим, что с этим он справился. В сухом остатке его рассуждений хотелось бы видеть хоть один позитивный постулат. Иначе всё наработанное документологией отвергнуто, а новое не предложено. Путей к действительно научному познанию сущности документа не обозначено.

Я посчитал себя обязанным лишней раз «вступиться» за документологию, ради чего в очередной раз разъяснил свою точку зрения.

Список источников

1. **Столяров Ю. Н.** Документология: причины появления, этапы развития // Научные и технические библиотеки. 2021. № 1. С. 15–26.
2. **Столяров Ю. Н.** Исходные постулаты документологии – всеобщей теории документа // Научные и технические библиотеки. 2021. № 2. С. 15–40.
3. **Соколов А. В.** Документ как предмет научного познания // Научные и технические библиотеки. 2021. № 8. С. 13–38.
4. **Плешкевич Е. А.** К вопросу о документологии и её методологии // Научные и технические библиотеки. 2022. № 6. С. 152–169.
5. **Отле П.** Библиотека, библиография, документация. Избранные труды пионера информатики. Москва : ФАИР-ПРЕСС : Пашков дом, 2004. 349 с.
6. **ГОСТ 16487-83** Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. URL: <https://internet-law.ru/gosts/gost/44980/>.
7. **Поппер К. Р.** Логика и рост научного знания : избр. работы / пер. с англ., сост., общ. ред. и вступ. ст. В. Н. Садовского. Москва : Прогресс, 1983. 605 с.
8. **Маркс К.** Экономические рукописи 1857–1861 гг. Первоначальный вариант «Капитала» / пер. с немецкого. Изд. 2-е. Ч. 1. Москва : ЛИБРОКОМ, 2011. 564 с.
9. **Баранов В. М.** Документ: предмет или процесс? // Информационная культура личности: прошлое, настоящее, будущее : междунар. науч. конф. Краснодар – Новороссийск. Краснодар, 1986. С. 249–250.
10. **Эльяшевич Д. А.** О «ренессансе библиологии», книговедении и не только // Потенциал библиотеки в современном мире: трансформации, перспективы : материалы Всероссийской науч.-практ. конф. с международным участием. Самарский государственный институт культуры; под общ. ред. М. Г. Вохрышевой. Самара, 2021. С. 117–126.
11. **Библиотечный фонд** : словарь-справочник. Москва : ИНФРА-М, 2016. 158 с.
12. **Столяров Ю. Н.** Библиотечный фонд : учебник. Санкт-Петербург : Профессия, 2015. 383 с.

References

1. **Stoliarov Iu. N.** Dokumentologiya: prichiny` poiavleniya, e`tapy` razvitiya // Nauchny`e i tekhnicheskie biblioteki. 2021. № 1. S. 15–26.
2. **Stoliarov Iu. N.** Ishodny`e postulaty` dokumentologii – vseobshchei` teorii dokumenta // Nauchny`e i tekhnicheskie biblioteki. 2021. № 2. S. 15–40.
3. **Sokolov A. V.** Dokument kak predmet nauchnogo poznaniya // Nauchny`e i tekhnicheskie biblioteki. 2021. № 8. S. 13–38.

4. **Pleshkevich E. A.** K voprosu o dokumentologii i eyo metodologii // Nauchny'e i tekhnicheskije biblioteki. 2022. № 6. S. 152–169.
5. **Otle P.** Biblioteka, bibliografiia, dokumentatciia. Izbranny'e trudy pionera informatiki. Moskva : FAIR-PRESS : Pashkov dom, 2004. 349 s.
6. **GOST 16487-83** Deloproizvodstvo i arhivnoe delo. Terminy i opredeleniia. URL: <https://internet-law.ru/gosts/gost/44980/>.
7. **Popper K. R.** Logika i rost nauchnogo znaniia : izbr. raboty / per. s angl., sost., obshch. red. i vstup. st. V. N. Sadovskogo. Moskva : Progress, 1983. 605 s.
8. **Marks K.** Èkonomicheskie rukopisi 1857–1861 gg. Pervonachal'ny'i variant «Kapitala» / per. s nemetskogo. Izd. 2-e. Ch. 1. Moskva : LIBROKOM, 2011. 564 s.
9. **Baranov V. M.** Dokument: predmet ili protsess? // Informatcionnaia kul'tura lichnosti: proshloe, nastoiashchee, budushchee : mezhdunar. nauch. konf. Krasnodar – Novorossii'sk. Krasnodar, 1986. S. 249–250.
10. **E'l'iashevich D. A.** O «renessanse bibliologii», knigovedenii i ne tol'ko // Potencial biblioteki v sovremennom mire: transformatsii, perspektivy : materialy Vserossii'skoi nauch.-prakt. konf. s mezhdunarodny'm uchastiem. Samarskii gosudarstvennyi institut kul'tury; pod obshch. red. M. G. Vokhry'shevoi. Samara, 2021. S. 117–126.
11. **Bibliotchny'i fond** : slovar'-spravochnik. Moskva : INFRA-M, 2016. 158 s.
12. **Stoliarov Iu. N.** Bibliotchny'i fond : uchebnik. Sankt-Peterburg : Professiiia, 2015. 383 s.

Информация об авторе / Information about the author

Столяров Юрий Николаевич – доктор пед. наук, профессор, главный научный сотрудник Российской государственной библиотеки, Научного и издательского центра «Наука» РАН, ГПНТБ России, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
yn100@narod.ru

Yury N. Stolyarov – Dr. Sc. (Pedagogy), Professor, Chief Researcher, Russian State Library; Chief Researcher, Science and Publishing Center “Nauka” of Russian Academy of Sciences; Chief Researcher, Russian National Public Library for Science and Technology, Moscow, Russian Federation
yn100@narod.ru